

Министерство культуры Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник»

К вопросу о формировании надгробного комплекса прп. Кирилла
Фрагменты драгоценного убранства с сени над ракой прп. Кирилла
из собрания Кирилло-Белозерского музея-заповедника

Щурина Е.Г.

К вопросу о формировании надгробного комплекса прп. Кирилла ***Фрагменты драгоценного убранства с сени над ракой прп. Кирилла*** ***из собрания Кирилло-Белозерского музея-заповедника***

В Кирилло-Белозерском музее-заповеднике находятся несколько предметов (четыре черневых медальона, конструкция в виде драгоценной митры с крестом и архиерейским жезлом на деревянной подставе, обложенной серебром), входивших в комплекс убранства сени, выстроенной над ракой преподобного Кирилла. По всей видимости, представленные памятники необходимо рассматривать в контексте образования надгробного комплекса, сложившегося в течение нескольких веков над захоронением преподобного Кирилла Белозерского. Источниками изучения стали архивные документы, искусствоведческие и исторические материалы, а также натурные данные, полученные в ходе исследования.

Кирилло-Белозерский монастырь был основан около 1397 года прп. Кириллом (1337–1427, в миру — Козьма Вельяминов), монахом московского Симонова монастыря, учеником Сергия Радонежского. Предположительно, уже к середине XV века над могилой основателя Кирилло-Белозерского монастыря была установлена рака¹, к которой прикладывались богомольцы, о чем свидетельствует Житие прп. Кирилла, составленное в 1462 году известным агиографом Пахомием Лагофетом. В Житии упоминается как гроб (вероятно, рака), так и гробница святого: «Яко прииде в монастырь жена, яже око слепо имуща, всех утаився по заутрени, и приходит въ гробницу, идеже есть гроб святаго Кирила, и начят съ слезами молитися»². Н.К. Никольский относит возникновение гробницы к первой половине XVI века. Он предполагает, что рака была «крытою въ виде часовни или же находилась, въ паперти, прилегавшей къ Успенской церкви»³. По всей видимости, это было некое сооружение у южной стены тогда еще деревянной Успенской церкви. Существование гробницы подтверждает приведенный им архивный документ 1515–1520 годов, сообщающий о пребывании в Кирилловой обители монаха из Иосифо-Волоколамского монастыря, во время которого он «прииде въ гробницу святаго великаго чудотворца Кирилла, идеже лежит честная и святое тело его»⁴. С точки зрения С.С. Подъяпольского, «устройство «гробницы» над могилой Кирилла вполне отвечало представлениям своего времени о том, как следует чтить память основателя монастыря»⁵. Он не исключает, что ее возведение могло совпасть со строительством каменного Успенского собора, заменившего в 1496 году стоявшую на его месте деревянную церковь Успения Богородицы. Ученый приводит аналоги ранних подобных сооружений, существование которых были подтверждены и археологическими раскопками. Одним из них являлась каменная палатка, выстроенная у южной стены Спасского собора Воротынского монастыря в середине – второй

половине XVI века. Изучение успенского некрополя Кирилло-Белозерского монастыря, предпринятое в начале XXI века, позволило точно установить место погребения прп. Кирилла, а также разрешить возникшие противоречия между ранними свидетельствованиями и предположениями ученых, так или иначе затрагивавшими вопрос о строительстве указанного надгробного комплекса. В 2012 году археологами научно-производственного центра «Древности Севера» под руководством И.В. Папина захоронение⁶, находящееся в нише, у северной стены церкви Кирилла, идентифицировано как погребение прп. Кирилла. Оно совершено до начала каменного строительства в монастыре и значительно отличается по форме и размерам от других захоронений XV века успенского некрополя. Кроме того, рядом с погребением ученые обнаружили венцы деревянной конструкции, вероятно, сени («гробницы»), датируемые, по их предположению, не позднее XV века. Археологи изучили основание надгробия XVII века, известного по документам как вклад боярина Ф.И. Шереметева, а также отметили наличие следа более ранней раки, установленной на месте погребения в церкви Кирилла XVI века. Следовательно, можно говорить, по крайней мере, о трех этапах формирования надгробного комплекса, связанного с погребением прп. Кирилла. Ранние источники не сообщают о том, какой вид имела рака и гробница Кирилла в XV веке. Очевидно, пышно украшенного надгробия в то время не было. Немногословные записи архивных документов XVI – начала XVII века дают представление о сформированном «надгробном комплексе», имевшем «гробницу», «гроб», а также предметы иконописного и декоративно-прикладного искусства. Монастырские учетные документы называют имена вкладчиков, сделавших какое-либо пожертвование на раку Кирилла. Наиболее щедрыми были «даяния» царя Ивана Грозного. Они включали как драгоценные предметы, так и великолепные шитые изделия, в их числе несколько покровов, предназначавшиеся «на чюдотворца», пожертвованные царем и царицей Анастасией. По сохранившимся вкладным покровам (покров 1555 года, шитый в мастерской царицы Анастасии Романовны имеет размер 189,0×90,0 см⁷, ГРМ), по мнению исследователей, представляется возможным определить приблизительный размер существовавшей в то время раки. Известны примеры рак XVI–XVII веков, на крышках которых размещались иконы с изображением святых. Ближайшим примером такого надгробия является единственная полностью сохранившаяся деревянная рака XVI – середины XVII века, установленная над местом погребения прп. Мартина в Ферапонтовом монастыре⁸. На ней находилась крышка-икона XVI–XIX веков⁹ с изображением святого Мартина в рост¹⁰. По аналогии, имеет место предположение, что на вершине гробницы прп. Кирилла мог находиться и его живописный образ¹¹. Изучение вопроса атрибуции иконографических памятников, связанных с надгробным комплексом прп. Кирилла, может составить предмет отдельного исследования.

Не менее важен вопрос, для какой раки предназначались пожертвования (это была более ранняя рака или новая, установленная в XVI веке, о существовании которой упоминали археологи). В третьей четверти XVI века рака также находилась в закрытом помещении, типа часовни. Согласно архивному источнику, приведенному архимандритом Варлаамом, в 1567 году царь Иван Грозный с женой Марией, сыновьями Иваном и Федором прибыл в обитель, где «ставиль от имени сихъ детей пудовыя свечи у Кириллова гроба»¹². Описания «Кириллова гроба» нет. Составители Вкладной книги первой половины XVII века сообщают о вкладе Ивана Ивановича Хабарова («Дал Иванъ ж Ивановичъ Хабаров 1000 рублевъ на чудотворцеву раку»¹³). Запись не позволяет определить точную дату, особенности и объем работ, выполненных по ее устройству. Несмотря на то, что эти сведения широко известны в кругах исследователей XIX–XX веков, до сих пор не сложилось единого мнения относительно датировки вклада. О.В. Лелекова предполагает, что он был сделан в период, когда «украшали окладами соборные иконы»¹⁴, что предпринималось в 1540-е годы. Архимандрит Варлаам называет дату смерти вкладчика – 1565 год¹⁵. Эту дату, ссылаясь на труд архимандрита Варлаама, приводит Е.В. Шакурова. Однако, имя бывшего боярина (в иночестве Иоасаф) упоминается в 1573 году в известном «Послании в Кирилло-Белозерский монастырь» царя Ивана Грозного. В комментариях Н.К. Никольского указано, что инок Иоасаф скончался в 1582 году¹⁶. Во Вкладной книге запись о пожертвовании боярина приведена между вкладами, датируемыми 1565–1606 годами. Предположительно, наиболее вероятный период его денежного вклада на раку – 1565–1582 годы. Е.В. Шакурова высказывает сомнения, касающиеся вопроса изготовления раки Хабарова, а также приводит интересные печатные сведения о ней: «Возможно, что эта более ранняя рака и была сделана, так как, по сообщению Пискаревского летописца, при царе Федоре Иоанновиче начали делать «раки серебряныя, кованыя, многоценныя великим светильником, столпом Руския земли Петру и Алексею, Ионе и Пафнотию, и Сергею, и Кирилу Белоозерскому, и Макарию Колязинскому и Василию Блаженному. И преложиша мощи их с великим страхом и трепетом. А Кирилуне успеха отвести за долгопутным шествием». Однако в настоящее время не удалось обнаружить каких-либо следов раки Кирилла XVI века»¹⁷. Тем не менее, совершенные в последние годы археологические раскопки полностью подтвердили данные письменных источников о наличии раки прп. Кирилла, изготовленной на вклад Ивана Ивановича Хабарова. В приведенной выше цитате существенно замечание, что перечисленные раки начали делать при царе Федоре Иоанновиче (1557–1598), взошедшем на престол в 1584 году. Версию, выдвинутую И.В. Папиным (Научно-производственный центр «Древности Севера»), о наличии ранней раки, стоявшей на могиле «уже в помещении церкви Кирилла XVI века» подтверждают данные о формировании архитектурного комплекса

Кирилло-Белозерского монастыря, в том числе о возведении над погребением прп. Кирилла церкви. Эти сведения будут интересны в рамках данного исследования, в целях изучения истории изготовления сени над местом захоронения основателя монастыря.

В середине – второй половине XVI века на Руси появилось значительное число фамильных усыпальниц, храмов, возведенных над почитаемыми церковными могилами. Существенное влияние на распространение храмов, устроенных над могилами святых, оказали Макарьевские соборы (1547, 1549), созданные с целью канонизации русских святых. Одним из ранних подобных сооружений С.С. Подъяпольский называет Никоновский придел Троице-Сергиева монастыря, устроенный в 1548 году¹⁸. По предположению ученого, возводить придельные храмы над могилами местных святых стали не позднее середины XVI века. В это время в Кирилло-Белозерском монастыре храма, выстроенного над ракой прп. Кирилла, еще не было. В связи с этим обстоятельством интересна запись от 7 августа 1567 года во Вкладной книге: «...царь со царицею ... прислал в церковь чудотворцу Кириллу в приклад сосуды церковные золотые...»¹⁹. Здесь упоминается придел прп. Кирилла церкви Иоанна Предтечи, возведенной в 1531–1534 годах на Ивановской горке рядом с часовней прп. Кирилла. Спустя 20 лет в монастыре позаботились о строительстве надгробного храма. Только он был сооружен (1554) местными мастерами с северной стороны Успенского собора, над захоронением боярина Владимира Ивановича Воротынского, на вклад его вдовы Марии Ивановны (из рода Оболенских). Впоследствии церковь Владимира стала родовой усыпальницей князей Воротынских. В 1573 году Иоанн IV с горечью упрекал игумена монастыря с братией в несоответствии воздания почестей: «...яко гордыни есть и величия образъ, еже подобно царстей власти церковию и гробницею и покровом почитатися ... и сие заторъ не малъ, что мимо чудотворца надъ нимъ церковь»²⁰. Царское послание братии Кирилловой обители исследователи рассматривают в контексте исторических и политических событий, совпавших с опалой и смертью знаменитого полководца Михаила Ивановича Воротынского, под руководством которого в 1572 году русское войско разгромило в битве при Молодях крымского хана Девлет-Гирея. После этого знаменательного события князь был обвинен по ложному доносу и подвергнут пыткам. Ни один из сохранившихся письменных источников (до 1573 года), в которых упоминаются деяния Ивана Грозного, не доносит о каком-либо возникшем у государя недовольстве, связанном со строительством усыпальницы Воротынских. В 1569 году государь с семьей посетил Кириллов монастырь и не мог не заметить наличие церкви Владимира и отсутствие храма над гробом прп. Кирилла. В 1569–1572 годы Вкладные книги фиксируют значительное число царских вкладов. Большая их часть предназначалась на монастырское строение (иногда с точным указанием, на какие цели выделялись средства): восстановление после

пожара, случившегося при игумене Матфее²¹, сооружение себе и сыновьям келий и, вероятно, на устройство церквей²². Известны значительные пожертвования монастырю, поступившие от его сыновей, царевичей Ивана и Федора, в 1570 году²³. Через два года царь прислал 2000 рублей и «велел молится за свое здравие и детей своих... и на усекновение главы Ивана Предтечи и служити игумену в те дни со всемъ соборомъ...»²⁴. Эти средства позволили в 1569–1572 годы выстроить в монастыре надвратную церковь святого Иоанна Лествичника с приделом Федора Стратилата. Вскоре в монастыре появился еще один храм – придел Успенского собора, освященный в честь прп. Кирилла Белозерского: «Лета 7093 (1585) месяца мая въ 9 день на память святого пророка Исаи и святого мученика Христофора по насце въ пятую неделю саморянины въ Кирилове монастыре на болшемъ основна бысть церковь камена надъ гробомъ чудотворца белозерскаго въ второй часъ дни при державе росискаго царства государя царя великаго князя Феодора Ивановича всея Руси при митрополите Дионисие при архиепископе ростовскомъ и ярославскомъ Еуфимие при игумене Варлааме» и освящена «въ лето 7095 (1587) месяца июня 9 въ пятюкъ 8-я неделя по пасце при архиепископе ростовскомъ Варлааме при игумене Сергие»²⁵. Нет прямых указаний, на чей вклад возведена церковь. Возможно, на ее сооружение были привлечены средства «съ царской дачи». В последние годы жизни Иван Грозный, помимо прочих вкладов, пожертвовал монастырю около 10000 рублей²⁶, а за год до возведения храма, в 1584 году, «государь Федор «по отцу своему пожаловаль 1333 рубли 11 алтынъ»²⁷. Сооружение церкви Кирилла соответствовало общей тенденции, сложившейся тогда на Руси, связанной с почитанием святых, и, как следствие, – строительства над их погребениями храмов, украшения гробниц. Допустимо совпадение и со следующими знаменательными событиями. В 1585 году в Троице-Сергиевой Лавре была установлена новая рака, выполненная московскими серебряниками Оружейной палаты по заказу Ивана Грозного, ставшая вкладом царя Федора и царицы Ирины. Известно, что Троице-Сергиеву Лавру и Кирилло-Белозерский монастырь объединяла историческая и духовная связь. В том же году по заказу царя Федора Иоанновича в Успенском соборе московского Кремля была украшена драгоценным окладом рака святителя Ионы, митрополита Московского и всея Руси, с избранием которого в 1448 году было положено начало независимости русской церкви от Константинопольского патриархата. Вероятно, тогда же поступила в Кириллов монастырь и новая рака, изготовленная на вклад Ивана Ивановича Хабарова. Две Описи, датируемые 1601 и 1773 годами, отражают историю формирования внутреннего убранства церкви Кирилла, сложившегося на протяжении ее двухсотлетней истории. Первая Опись информирует об интерьере только что выстроенного храма, вторая застаёт его в последние годы существования. Эта каменная церковь Кирилла – единственное культовое здание на

территории обители, не сохранившееся до нашего времени. Она вскоре после создания Описи 1773 года была разобрана «по ветхости». Составители Описи 1601 года сообщают: «...к соборной же церкви Успения Пречистыя Богородицы приделана церковь во имя чудотворца Кирила. А в церковь вшед, на левой стороне, в гробнице в каменной чудотворец Кирил. А на гробнице покров отлас поласат шелк бел да голуб. На гробнице же покров камка голуба, а на нем вышит образ чудотворца Кирила, венец шит золотом, а ризы шолком багровым, по полям у покрова шито золотом трепарь да кондак. На гробнице же покров бархат чорн гладко, а в нем крест тафта червчета. А праздничные покровы / писаны в ризнице. А с лица тое же гробницы пелена привесная бархат зелен гладкой, а на ней нашиты три кресты миткалинные белы»²⁸. Итак, по свидетельству переписчиков, над местом погребения преподобного Кирилла была установлена каменная гробница, закрытая шитыми изделиями. Как помним, ранние упоминания места погребения основателя монастыря, до строительства первой церкви Кирилла, «гробницей» называли сооружение, находившееся над «гробом» преподобного Кирилла. Вероятно, со временем слово «гробница» стало наиболее полно соответствовать понятию «рака». Не случайно в «Практической энциклопедии православного христианина», составленной в 2000 году С.Е. Молотковым, понятия «гробница» и «рака» отождествлены: «Рака – украшенная гробница, в которой находятся мощи святого, имеющая обычно вид ковчега с отделкой из благородного металла и иконописным изображением святого на верхней доске»²⁹. Традиция сооружать гробницы над захоронениями праведников существовала у евреев еще во времена Ветхого завета³⁰. Созидание рак, облеченных в архитектурные формы, получило распространение после торжества христианства над язычеством. Обретенные мощи в раках могли хранить открытыми для поклонения. В таком случае их облачали в одежду согласно статусу святого. Наиболее распространённым вариантом было почитание мощей святых, почивающих «под спудом». Тогда над местом упокоения святого устанавливали пустое надгробие, без откидной крышки, а на верху раки помещали его изображение, накрытое покровом. В храме такая рака находится на возвышении и «обычно под художественно устроенной сенью»³¹ на столпах», рядом с ней подвешивались лампы³². В православной церкви господствующей конфигурацией раки становится прямоугольная форма. Вероятно, первые раки, для положения мощей, делали каменными³³. По мнению В.В. Игошева, московские мастера XVI–XVII веков, в частности при изготовлении рак, испытывали значительное влияние западноевропейской культуры, поэтому их раки «напоминают архитектурные сооружения»³⁴. В качестве особенностей изготовления древнерусских рак XVI–XVII веков, отмечает, что они «изготавливались из дерева, а затем оковывались серебряными золочеными пластинами. Стенки ковчегов обычно украшались крупными медальонами с чеканными священными

изображениями из жития святых, надписями и орнаментами, а крышки – высокорельефными чеканными или живописными изображениями святого в рост. Рельефные лицевые изображения, орнамент, а также надписи выполнялись из тонко раскованных и подогнанных друг другу серебряных пластин, благодаря чему создавалось впечатление массивности и большого веса этих предметов»³⁵. Такими примерами служат изделия московских мастеров XVI века, предназначенные для мощей святой Екатерины (1687–1688), митрополитов Петра и Алексия (1531–1535), прп. Сергия (1555–1585), митрополита Ионы (1585), благоверного Александра Невского (1695)³⁶, а также серебряные раки святого царевича Димитрия (1628–1630), прп. Кирилла Белозерского (1643), святого Александра Свирского (1644).

Согласно Описи 1773 года, рака прп. Кирилла «длиною 2 аршина 12 верхов, шириною 1 аршин 2 верха невступно, в вышину 1 аршин с полуверхом»³⁷ была выполнена из кипарисных досок и украшена драгоценным окладом. В церкви Кирилла она находилась «при полночном углу близ западных дверей на кирпичном четвероугольном фундаменте над гробом преподобнаго отца нашего Кирилла Чюдотворца»³⁸. Опись воспроизводит вкладную надпись, опоясывающую карниз раки, а также тексты из Жития святого, исполненные в круглых медальонах на ее стенках³⁹. Рака весила 3 пуда 21 фунтов 24 золотника и была построена 12 декабря 1643 года за 1673 рубля 10 алтын и 2 деньги⁴⁰ на вклад боярина Федора Ивановича Шереметева. Он, известный государственный деятель, участвовавший в призвании на царство Михаила Федоровича Романова, а затем ставшего его ближним боярином, в 1642–1645 годах фактически являлся главой правительства. В 1646 году подал в отставку, а через три года принял иноческий чин с именем Феодосия в Кирилло-Белозерском монастыре. Боярин скончался 17 февраля 1650 года и был погребен на паперти Успенского собора рядом со своей женой Ефросинией и сыном Алексеем. Федор Иванович Шереметев жертвовал значительные денежные суммы в пользу обители. Во вкладной и кормовой книге XVII века Кирилло-Белозерского монастыря перечисляет и другие вклады боярина. Федор Иванович «в подножие над ракою Кирилла... построил лампаду серебряну весу въ ней ис чепью ... за 46 рублевъ 26 алтынъ 4 денги», «да на раку Кирилла чюдотворца покровъ по гвоздичной камке золотом серебром с разными шелки над главою вышит образ живоначалные Троицы, около покрова шить тропарь и подпись золотом и серебромъ подложен камкою зеленою», «да около раки построил решетку медную даль двести рублевъ»⁴¹. Одновременное поступление этих вкладов свидетельствует о едином замысле формирования нового надгробного комплекса, исполнение которого стало возможным в период особого экономического подъема монастыря. В то же время изготовление новой драгоценной раки являлось частью грандиозного плана, направленного на обновление интерьеров главных храмов Кирилло-Белозерского монастыря – Успенского собора и его

придельной церкви Кирилла. К работам привлекались лучшие мастера того времени, сотворившие уникальные образцы иконописного и декоративно-прикладного искусства. В течение последующих десятилетий надгробный комплекс продолжал складываться благодаря единичным поступлениям от светских и духовных лиц. Так, например, в середине – второй половине XVII века в царских и боярских светлицах были изготовлены несколько покровов на раку Кирилла. Два из них, помимо вклада Федора Ивановича Шереметева, хранятся в собрании Кирилло-Белозерского музея-заповедника⁴². Серебряный оклад раки, бесценный памятник прикладного искусства XVII века, находится в московской Оружейной палате. Открытию этого уникального произведения в собрании Музеев Московского Кремля посвящена статья Е.В. Шакуровой, в которой, помимо тщательнейшего рассмотрения особенностей техники изготовления, стилистического оформления раки, приведены интереснейшие наблюдения, касающиеся работы мастеров-чеканщиков. Она обращает внимание на недостающие круглые дробницы, находившиеся ранее на крышке: в оглавии – Святой Троицы, по углам полей — образов прпп. Сергия Радонежского, Федора освященного, Ферапонта и Алексея человека Божия⁴³. По всей видимости, такой выбор образов не случаен, он отражает замысел заказчика. Прпп. Кирилл и Ферапонт, основатели двух знаменитых северных монастырей, – ученики Сергия Радонежского. Святые Федор и Алексей человек Божий, возможно, – соименные святые Федора Ивановича Шереметева и его сына Алексея, умершего в 1633 году. Согласно предположению Е.В. Шакуровой, дробницы были не чеканные, как указывает Опись 1773 года и следующие за ней документы, а литые, ближайшие аналоги которых представлены на раках царевича Дмитрия (1628–1630) и святого Александра Свирского (1644). Все это еще раз подтверждает, что в изготовлении этих исключительных по своим художественным достоинствам памятников декоративно-прикладного искусства XVII века принимала участие одна и та же группа виртуозных мастеров московской Оружейной палаты. Еще ранее, после проведения тщательнейшего искусствоведческого анализа памятников и сопоставления данных письменных источников, на стилистическую и техническую общность этих произведений указала О.В. Лелекова. Она предположила, что коллективной работой мастеров мог руководить известнейший жалованный мастер первой статьи Гаврило Овдокимов⁴⁴.

К сожалению, далеко не все памятники, предназначавшиеся для раки прп. Кирилла, дошли до нашего времени. Письменные источники сообщают нам о нескольких вкладах, часть из них была перенесена к новой раке еще с предшествовавшего ей надгробия. Одними из таких известных вкладов, отмеченных на протяжении нескольких столетий в монастырских учетных документах, были небольшие серебряные лампы, висевшие над ракой. Одна из них поступила на раку прп. Кирилла еще 1587 году от Дмитрия Ивановича

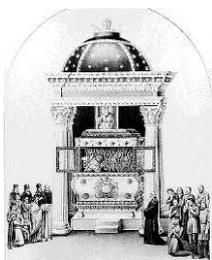
Годунова⁴⁵, а другая явилась вкладом стольника Ивана Васильевича Олферьева⁴⁶ в 1636 году. Позднее, в 1658 году архимандрит Митрофан «построилъ под клобукъ Кирилла Чюдотворца ковчегъ сребрень весомъ фунтъ7 золотниковъ по полтретия алтына на золотникъ того семь рублевъ 24 алтына 1 днга»⁴⁷. В Описи 1718–1719 годов фигурирует находившийся около раки киот (без указания на вклад) со святыми образами на створках, предназначенный для хранения черемухового посоха чудотворца⁴⁸. Многие перечисленные предметы со временем были утрачены. В 1804 году⁴⁹ медная решетка «по ветхости» была заменена на новую. Судьба лампад сильно запутана, так как документы содержат очень противоречивую информацию об их перемещении. Опись 1773 года сообщает о наличии двух лампад, находившихся у раки прп. Кирилла. В 1812 году их отправили в Новгородскую консисторию, через некоторое время одну (вероятно, вклад боярина Шереметева) в числе вещей с припиской «принадлежащие къ церковному употреблению»⁵⁰ возвратили в Кириллов монастырь. В 1821 году снова сняли с места лампы Годунова и Шереметева и по указу новгородской духовной консистории переделали на ризы храмового образа Введения Божией Матери⁵¹. Опись 1854 года вернула лампаду – вклад Федора Ивановича Шереметева опять к подножию раки. Не сохранилась и медная сень, установленная над ракой в 1757 году⁵². Это массивное сооружение было украшено прорезным подзором, наугольниками, литыми изображениями Распятия и Голгофского креста и двумя живописными образами (преподобного Кирилла и Успения Богоматери) в чеканных серебряных окладах с дорогими венцами и цатами⁵³. Опись 1802 года, представляющая собой список утраченных монастырских вещей, сообщает, что «съ разобранной бывшимъ настоятелемъ который после былъ вологодскимъ епископомъ Арсениемъ» сени «при строении новой приподобнической церкви архимандритомъ Иякинфомъ Карпинскимъ»⁵⁴ получено 26 пудов зеленой меди. Очевидно, сень разобрали еще в конце XVIII века, вскоре после появления новой церкви Кирилла, возведенной в 1781–1784 годах⁵⁵. Строительство нового храма было произведено при архимандрите Иоакиме Карпинском, управлявшем монастырем в 1774–1792 годы. Сень разобрали при архимандрите Арсении Тодорском, пребывавшем в обители в 1792–1796 годы. По всей видимости, устройство новой церкви Кирилла в стиле провинциального барокко вполне соответствовало вкусам времени и стремлению видеть в монастыре все «новоманерное». В связи с чем, уже к 1764 году в главном храме монастыря, Успенском соборе, была сооружена золоченая иконостасная рама с объемным резным декором и скульптурными элементами. Если в XVII веке украшали кирилловские храмы, главным образом, столичные мастера, то в XVIII веке монастырь, обедневший после секуляризационной реформы, вынужден был к крупным заказам привлекать вологодских специалистов. Так, вологодский мастер Василий Деньгин выполнил иконостасную раму для

успенского иконостаса, в 1792 году вологжане Василий Дружинин и его сын Иван в новой церкви Кирилла установили резной иконостас с объемными скульптурами. В 1796–1798 годах иконы для храма создал в смешанной технике живописи, используя образцы западноевропейских мастеров, священник череповецкого Воскресенского собора Лука Петров. По-видимому, сооруженная несколько десятилетий назад сень не соответствовала художественному оформлению интерьера новой церкви Кирилла. Переписчики монастырского имущества в список ризничных вещей 1802 года внесли дополнения о поступлении предметов. В их числе оказалась новая сень с черневыми вставками с вкладной надписью: «В ЧЕСТЬ И СЛАВУ ПРЕПОДОБНАГО ЧЮДОТВОРЦА КИРИЛЛА БЕЛОЗЕРСКАГО УСТРОЕНА СЕНЬ СΙΑ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО МИТРОПОЛИТА АМВРОСИЯ ПРИ АРХИМАНДРИТЕ ВЕНИАМИНЕ 1804 ГОДА 9 ГО ВЪ ДЕНЬ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ЕГО»⁵⁶. Сень завершала установленная на самом ее верху металлическая митрополичья шапка со святыми образами Спасителя, Богоматери, Иоанна Предтечи и Николая. В 1804 году «вновь поступил постамент под ракой Кирилла деревянной о трех ступенях обит листовым аглицким белым листовым железом»⁵⁷. В работе над сенью были задействованы вологодские мастера: резчик Иван Михайлович Сиротин⁵⁸ и серебряник Адриан (Андриан) Якимов (Иоакимов) Клишин, с которым 20 марта 1804 года был заключен обстоятельный договор. Согласно документу, предполагалось сделать «по кипарисному древу надъ состоящей во оноь монастыре ракой преподобного Чудотворца Кирилла ... серебряную сень... ту работу всю кончить сего 1804 года июня на 5 число непременно...»⁵⁹. Несмотря на то, что предполагалось сень изготовить к 5 июня 1804 года, работа над ней несколько затянулась. Клишин справился с заказом только к 10 октября того же года, о чем свидетельствует расписка в получении «по окончании работы причитающихся остальных денег (964 рубля 44 копейки с половиной)»⁶⁰. Всего ему заплатили 1554 рубля 44 копейки с половиною. Платежные документы отражают периоды работы над заказом. Договор был согласован 20 марта, следующий платеж серебряник получил 11 апреля. В дальнейшем, вероятно, возникли затруднения в соблюдении договоренностей, так как вплоть до 23 июля не было зафиксировано никаких расписок. Регулярное перечисление платежей после 23 июля (2 августа, 13 сентября, 30 сентября и последний – 10 октября) свидетельствует об ускоренном процессе работы над сенью, ставшем возможным лишь после разрешения некоторых препятствий. Что могло помешать мастеру в соблюдении сроков исполнения заказа? Работа над другим заказом мало вероятна, так как монастырь позаботился, заблаговременно включив этот пункт в договор («другой же сторонней работой никакой мне Клишину во время всего дела не заниматься»⁶¹), да и серебряник приступил к выполнению заказа в срок и в самом монастыре («квартиру,

дрова и для серебряного дела уголье иметь монастырское, прочее же как инструменты, так и вещи иметь... свои»⁶²). Проблемы могли возникнуть из-за нехватки предоставленного монастырем материала, что не исключалось составителями договора («на всю сень есть ли же и сверхъ того по необходимости потребуется какой-либо малой въ серебре прибавка, то и оное серебромъ согласие монастыря по той же цене на оную чернь въ дело употребить данное же отъ монастыря серебро сплавить мне Клишину»⁶³). Однако наиболее существенной причиной нарушения договора явилось отсутствие детального согласования в художественном оформлении сени. Очевидно, в монастыре руководствовались неким планом, которому должен был следовать мастер («по данному отъ монастыря плану (сделать) серебряную сень изъ монастырскихъ материаловъ как-то серебра и золота, где какой работы приказано будетъ»). В этот план входили пять черневых образов: «1. образ Вечере тайную. 2. Знамение Пресвятыя Богородицы. 3. Святого Николая со Спасителевымъ образомъ. 4. Преподобныхъ Сергия Радонежскаго и Кирилла Белозерскаго со Спасителевымъ же образомъ. 5. Святыя Троицы»⁶⁴. От заказчиков Клишин должен был получить рисунки для изготовления отдельных чеканных деталей («въ приличныхъ местахъ гладнымъ белымъ потому кипарисному древу обложить серебромъ, а где прилично будетъ чеканной работы поданнымъ отъ монастыря рисункомъ зделать штуки и вызолотить въ какихъ местахъ потребно будетъ»), а также бархат⁶⁵ («оную же сень отданнымъ отъ монастыря бархатомъ часомъ или бахромою обить и на показанное место повесить»⁶⁶). Возможно, предварительный план (или даже чертеж, так как предполагалось наличие рисунков) был согласован еще ранее, при строительстве церкви Кирилла, возведенной по присланному архитектором чертежу. По представлению монастырских властей в итоге должно было получиться внушительное с большим содержанием серебра сооружение. Не случайно мастеру за работу заплатили значительную сумму, расчет которой производился исходя из количества употребленного и обработанного драгоценного металла («отъ монастыря получить въ отделке съ гладново и чеканово серебра съ каждаго фунта по 10 рублей, съ черневой работы съ каждаго золотника по 50 копеекъ и съ позолотою и за прочее золочение съ каждаго золотника золота по два рубли»⁶⁷). Если учесть, что в XVIII–XIX веках все новшества приходили в монастырь с некоторым запозданием, то можно допустить, что это изделие заказывали с оглядкой на сень весом в 25 пудов серебра, установленную в 1737 году над ракой прп. Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой Лавре. Массивная сень с тяжелым балдахином была изготовлена в Москве в мастерской Давида Прифа по повелению императрицы Анны Иоанновны. Что касается кирилловского договора, заказчики оставляли за собой право внесения изменений в художественное оформление сооружения. В договоре возможность этих поправок озвучивалась следующим образом: «На доске серебряной

гладкой самой тонкой, ежели оную, приказано будетъ зделать внутри сени на верхней доске и вокруг сени черневую подпись отъ монастыря данную на назначенномъ въ плане месте и чтобы на всю ту черневую работы потребить серебра не более 10 фунтовъ». Поправки, видимо, были весьма существенны. В настоящее время нам известны вместо пяти запланированных четыре черневых медальона с этой сени (отсутствует клеймо с изображением Тайной вечери). Документ умалчивает об украшении навершия сени – конструкции в виде митры с крестом и жезлом. Безусловно, все сохранившиеся элементы убранства сени, отличающиеся высоким уровнем исполнения черневого рисунка и удивительной точностью и красотой резных изображений, изготовлены одним мастером, инициал которого присутствует на каждой детали. В клеймах читаются инициалы автора работы «АК», принадлежащие Адриану (Андрьян) Клишину (р. 1768⁶⁸), вологодскому мещанину, цеховому мастеру, работавшему в период 1794–1833 годов. «Оная работа зделана самую лутчую съ полировкой», в соответствии с требованием, прописанным исполнителю в договоре. В XIX веке произошло немало перемен в интерьере церкви Кирилла. Так, в 1825 году церковь сделали теплой с навесными потолками. Верхнюю часть иконостаса переместили в церковь Владимира, а нижнюю, в 1870-е годы, – в церковь Иоанна Предтечи. Тогда же в церкви Кирилла появился новый иконостас, известный нам лишь по архивным документам. Несмотря на все перестановки, над серебряной ракой преподобного Кирилла Белозерского (вкладом боярина Федора Ивановича Шереметева) находилась сень, изготовленная в 1804 году «на монастырский коштъ». Монастырские учетные документы XIX века детально представляют памятник. Согласно Описи 1854 года, «над ракою сень из кипарисного дерева длиною по нижнему фризу 3 аршина, шириною по фризу же 1 аршин съ четвертью, высотой с архитравомъ и верхнею доскою по отвесу 13 вершковъ. Съ внутренней стороны сия сень обита зеленым бархатом и часами»⁶⁹. Опись второй половины XIX века сообщает уже об обивке бархатом «малинового цвета с золотыми часами»⁷⁰. Оба документа информируют о четырех колоннах из кипарисового дерева, обитых латуною (не серебром, как планировалось), с находящимися над ними серебряными «карнизами без означения пробы» и гладными вызолоченными вставками с черневой подписью о вкладе. Переписчики указывают на наличие на сени четырех черневых клейм и митры («на верху сени по середине плите обитый серебромъ чеканнымъ, на немъ подушка покрытая серебромъ гладкимъ, полированнымъ с чеканною бахромою, на подушке архимандритская шапка (исправлено – митра), обитая кругомъ серебромъ чеканнымъ, белымъ, с разными травами; на ней перекрестье чеканное, позолоченное; на верху шапки, по середине и по сторонамъ перекрестья пять дробницъ серебряныхъ изъ синей финифти съ образами Рождества Христова, Спасителя, Богоматери, Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца, а по сторонамъ

оной шапки, наклоненный к возгавию раки крестъ серебряный, белый, по краямъ съ бусами; на немъ с лица чеканныя, позолоченные изображения: въ середине Распятие Господне, и при подножии Адамовой главы, вверху в полукружии Бога отца, по сторонамъ при концахъ, правой стороны Божия Матери, съ левой Святого Апостола Иоанна Богослова, съ задней стороны и съ боковыхъ крестъ обложенъ серебромъ гладкимъ, белымъ, полированнымъ. По другую сторону митры склоненный къ подножию жезлъ архимандритский, серебряный, белый, полированный, съ загнутыми вверхъ рожками»⁷¹). К сожалению, не удалось обнаружить полностью подобных ей сооружений. В конце XVIII–XIX веках навесы над раками преподобных отличались особой пышностью, вычурностью форм, многообразием материалов, обилием различных декоративных элементов. В их оформлении активно включали не только вставки с живописными образами, но и целые скульптурные группы⁷². Аналогичное завершение имеет рака святителя Афанасия Цареградского (Сидящего), Лубенского чудотворца, изображение которой воспроизведено на литографии 1868 года. (Фотография 1).

Фотография 1. Рака свт. Афанасия III Пателария. Литография. 1868 год.

На иконе «Афанасий Патриарх Константинопольский Лубенский чудотворец» второй половины XIX из музейного собрания представлена рака, на ее передней стенке – митра, архиерейский жезл и небольшой крест⁷³. По мнению Е.А. Погосяна и М.А. Смержевских-Смирновой, в эпоху Петровского времени в целях «панегирической проповеди» традиционную иконографию (образ митры) нередко объединяли с государственной символикой (гербом), что наглядно прослеживается на примере иконостаса Ивана Зарудного в Преображенской церкви Ревеля (Таллин). Анализируя семантику иконостаса, они подробно рассматривают образ Христа, представшего в Послании к евреям Великим Архиереем, чем объясняют наличие священных предметов в конструкции иконостаса. Ближайшим примером наличия священных предметов в конструкции иконостаса является иконостасная рама из церкви прп. Мартиниана Ферпонтова монастыря, воссозданная в 2014 году на основе архивных снимков начала XX века. (Фотография 2).

Фотография 2. Церковь Мартиниана. Царские врата. Начало XX века.

Резной иконостас с завершением в виде митры, потира и креста был установлен в 1837–1840 годы подрядчиком Н. Милавиным. Он заменил иконостасную раму, изготовленную в 1772–1774 годах Иваном Дружининым. В 1776 году этим же вологодским купцом был исполнен резной балдахин над ракой прп. Мартиниана. На резной раме иконы, находившейся рядом с ракой, элементы (с небольшими изменениями) повторяются дважды. Над иконой, на внутренней раме, находилась небольшая митра с жезлом и крестом. Все сооружение венчают объемные изображения Евангелия, креста и потира. (Фотография 3).

Фотография 3. Рака прп. Мартиниана. Фотография П.П. Покрышкина. 1905 год.

Одновременное наличие священных предметов в завершении иконостаса Успенского собора (митры), установленного в середине XVIII века в Кирилло-Белозерском монастыре, и на сени, поставленной над ракой прп. Кирилла, очевидно, также объясняется не только желанием следовать традиции, но и иметь единое художественное оформление интерьеров главных монастырских храмов. О монументальности и красоте сложившегося надгробного комплекса прп. Кирилла можно судить по фотографии, выполненной в 1909 году С.М. Прокудиным-Горским⁷⁴. (Фотография 4).

Фотография 4. Рака прп. Кирилла Белозерского. Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1909 год. Библиотека Конгресса, Вашингтон. США.

На снимке хорошо видны со всеми утратами элементы убранства сени из музейного собрания (отсутствует часть прорезного орнамента, обрамляющего клеймо «Распятие»). Не известна судьба лампад, висящих над ракой. Предположительно, некоторые из лампад, представленных на фотографии, появились в качестве вкладов, приуроченных к празднованию 500-летия монастыря. Так, из шести новых лампадок две, по замыслу дарителей, предназначались к раке прп. Кирилла⁷⁵. Сохранившиеся три небольших серебряных светильника 1759 и 1831 годов из церкви Кирилла имеют иные внешние характеристики. Первые музейные документы относят раку прп. Кирилла Белозерского к памятникам, имеющим особое историческое и художественное значение. Согласно списку,

составленному в 1919–1932 годах, рака оказалась в числе предметов из благородного металла, не подлежащих изъятию из Кирилло-Белозерского монастыря⁷⁶. Однако, по свидетельству В.А. Королева, участника специальной комиссии, созданной в 1921 году для проведения изъятия ценностей из Кирилло-Белозерского монастыря, было принято решение: «Изъять гробницу целиком, аккуратно упаковать, чтобы сохранить художественную отделку, и так отправить в центр»⁷⁷. Соответственно, тогда же разобрали сень, пять элементов убранства которой поступили в собрание Кирилло-Белозерского музея в 1924 году. В конце XX столетия в церкви Кирилла были проведены реставрационные работы, позволившие возобновить в храме богослужение. В 1997 году церковь открыли для прихожан. В настоящее время над этим местом установлена новая позолоченная рака без сени, изготовленная новгородским мастером Анатолием Николаевичем Елизаровым.

Щурина Е.Г, научный сотрудник,
Кирилло-Белозерский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

www.kirmuseum.ru

---

¹Никольский, Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство: До второй четверти XVII века (1397–1625) / Н.К. Никольский. – М.: Книга по Требованию, 2013. – Том I. – С. 45.

²Житие Кирилла// Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. Сер. «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях» / [ред.-сост. Г.М. Прохоров]. – СПб: Глаголь, 1994.– С. 146.

³Никольский, Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство: До второй четверти XVII века (1397–1625) / Н.К. Никольский. – М.: Книга по Требованию, 2013. – Том I. – С. 45–46.

⁴Никольский, Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство: До второй четверти XVII века (1397–1625). / Н.К. Никольский. – М.: Книга по Требованию, 2013. – Том I. – С. 46.

⁵Подъяпольский, С.С. О церкви Кирилла XVI века в Кирилло-Белозерском монастыре / С.С. Подъяпольский // Кириллов. Краеведческий альманах. – Вологда: «Русь», 1997. – Вып. 2. – С. 158.

⁶Погребение 2// Отчет И.В. Папина. Научно-производственный центр «Древности Севера». 2012 год.

⁷Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / Сост. З.В. Дмитриев, М.Н. Шаромазов. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. – С. 246.

⁸В настоящее время над местом упокоения святого установлено новое надгробие (копия, 231,5×85,5×75,5 см), выполненное Т.И. Анисимовой (Великий Новгород) в 2013 году. Сама рака XVI–XVII веков хранится в Музее фресок Дионисия.

⁹В XIX веке образ прп. Мартиниана был дважды поновлен с относительным сохранением силуэта святого, но при полном удалении вместе с левкасным слоем первоначального изображения//Силина, О.В. Иконография

прп. Мартиниана Белозерского (по памятникам начала XVI–XX веков / О.В. Силина // Ферапонтовские чтения. 2012–2013. История и культура монастырей Русского Севера. – Ферапонтово, Вологда, 2014. – Вып. 5. – С. 122.

¹⁰Первоначальный оклад XVII века, представляет собой набор из нескольких разных по размеру и форме кусков басмы. Он находился под поздней ризой, во время реставрации иконы (2006–2009) был демонтирован и смонтирован на планшет.

Сохранились сведения об авторе новой ризы. В ноябре 1859 года «За зделание ризы на икону прп. Мартиниана плочено 75 руб. Получил вязниковский мещанин Иван Иванов Цынин (Пыпин?). Куплено латунной меди для ризы на икону прп. Мартиниана на 20 руб.» // Стрельникова, Е.Р. Рака Мартиниана (предварительные наблюдения) / С.Р. Стрельникова // Ферапонтовские сборник. – М.: Советский художник, 1988. – Вып. 2. – С. 132.

¹¹Г.В. Попов и Э.С. Смирнова считают, что на раке прп. Кирилла могла находиться икона «Кирилл Белозерский», созданная в конце XV – начале XVI века в ближайшем окружении Дионисия, если не им самим (121,5×62,0, ГРМ, инв ДРЖ 2733), но никаких документальных подтверждений этому нет // Описание строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / Сост. З.В. Дмитриев, М.Н. Шаромазов. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. – С. 246.

¹²Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре, составленное архимандритом Варлаамом. – М., 1859. – С. 86.

¹³ОР РНБ. 78/1317. Л.48.

¹⁴ На 14 иконах из Деисуса (КБИАХМЗ) сохранились записи, раскрывающие имена вкладчиков и в отдельных случаях, указывающие на точную дату вклада убранства иконы («Спас в силах», 1542 год).

На иконе мученика Димитрия есть надпись без указания на датировку: «Сию икону мученика Димитрия обложил Иван Иванович Хабаров». Однако О.В. Лелекова полагает, что эта икона, в числе остальных образов из иконостаса Успенского собора украшена в одно время и одной и той же группой мастеров. Она пишет: «Если бы они изготавливались в разное время, то выполнять эту работу пришлось бы разным мастерам, что непременно сказалось бы на технических особенностях окладов» // Лелекова, О. В. Материалы к истории художественной мастерской Кирилло-Белозерского монастыря в XVII–XVIII вв. / О.В. Лелекова // Древнерусское искусство. – М., 1989. – С. 136, 138.

¹⁵ Шакурова, Е.В. Рака Кирилла-Белозерского из Кирилло-Белозерского монастыря / Е.В. Шакурова // Иконизация Кирилла Белозерского. Сборник статей / Сост. Г.И. Вздорнов. – Ферапонтово, 2001. – С. 62.

См. также Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре, составленное архимандритом Варлаамом. – М., 1859. – С. 86.

¹⁶ Никольский, Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625) / Н.К. Никольский. – СПб.: «Дмитрий Буланин». – Том II. Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. – С. 421.

¹⁷Шакурова, Е.В. Рака Кирилла-Белозерского из Кирилло-Белозерского монастыря / Е.В. Шакурова // Иконизация Кирилла Белозерского. Сборник статей / Сост. Г.И. Вздорнов. – Ферапонтово, 2001. – С. 67.

¹⁸ Подъяпольский, С.С. О церкви Кирилла XVI века в Кирилло-Белозерском монастыре / С.С. Подъяпольский // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда: «Русь», 1997. – Вып. II. – С. 158.

¹⁹ ОР РНБ. 78/1317. Л. 11.

²⁰ Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / сост.-ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачев. – М., 1986. – С. 152.

---

²¹ОР РНБ. 78/1317. Л.60.

²²Иван Грозный лета (1567) ... дал 200 рублей на кельи а кельи ставити монастырским лесом и делати монастырскими людьми // ОР РНБ. 78/1317. Л. 11.

В 1570 году царевич Иван дал на свою келию 200 рублей, а царевич Федор 100 рублей // ОР РНБ. 78/1317. Л. 13–14 об.

²³ В 1570 году «марта в 31 де царевич Иван Иванович ...дал 1000 рублей при всей братии, игумене...за свое здравие и на рождение его марта 29 ... и служить ... на память преподобнаго отца нашего Ивана Спасителя». В том же году царевич Федор «пожаловал вклад 500 рублей ... да о здравии июня в 8 де на память великомученика Федора Стратилата кормь кормить...» // ОР РНБ. 78/1317. Л. 13–14 об.

²⁴ОР РНБ. 78/1317. Л. 16.

²⁵Никольский, Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство: До второй четверти XVII века (1397–1625) /Н.К. Никольский. – М.: Книга по Требованию, 2013. – Том I. – С. 35.

²⁶ОР РНБ. 78/1317. Л. 16–29 об.

²⁷ОР РНБ 78/1317. Л. 21.

²⁸Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / Сост. З.В. Дмитриев, М.Н. Шаромазов. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998.– С. 73.

²⁹Молотков, С.Е. Практическая энциклопедия православного христианина. Основы духовной жизни / С.Е. Молотков. – СПб, 2000. – С.156.

³⁰ Мф. 23:29.

³¹В VII веке на Западе наибольшее распространение получили раки, имеющие художественное оформление и сложные формы в виде замков, башен // Христианство: Энциклопедический словарь. В 3 т. – Большая Российская Энциклопедия. – 1995. [Электронный ресурс] // <http://drevo-info.ru/articles/2700.html>.

³²Молотков, С.Е. Практическая энциклопедия православного христианина. Основы духовной жизни / С.Е. Молотков. – СПб, 2000. – С.156.

³³Это видно из повествования о мощах свв. Бориса и Глеба (1072), которые из деревянных гробов были перемещены в каменные раки. // Открытая православная энциклопедия [Электронный ресурс] // <http://drevo-info.ru/articles/2700.html>.

³⁴ Игошев, В.В. Серебряная рака для мощей святой Екатерины из Синайского монастыря работы московских мастеров 1687–1688 гг. [Электронный ресурс]: электронная версия статьи / В.В. Игошев //Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. – 2010. – Вып. 1. – С. 30–44 // <http://pstgu.ru/download/1383205775.3.pdf> .

³⁵ Игошев, В.В. Серебряная рака для мощей святой Екатерины из Синайского монастыря работы московских мастеров 1687–1688 гг. [Электронный ресурс]: электронная версия статьи / В.В. Игошев //Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. – 2010. – Вып. 1. – С. 30–44 // <http://pstgu.ru/download/1383205775.3.pdf> .

³⁶ Игошев, В.В. Серебряная рака для мощей святой Екатерины из Синайского монастыря работы московских мастеров 1687–1688 гг. [Электронный ресурс]: электронная версия статьи / В.В. Игошев //Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. – 2010. – Вып. 1. – С. 30–44 // <http://pstgu.ru/download/1383205775.3.pdf> .

³⁷ГАВО. Ф.496. Оп.1. Ед. хр. 2992. Л. 343 об.

³⁸ГАВО. Ф.496. Оп.1. Ед. хр. 2992. Л. 343 об.

---

³⁹«При державе государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа России и при его благоверной и христоролюбивой царице и великой княгине Евдокее и при благородных чадех при благовернем царевиче князе Алексее Михайловиче и при благоверной царевне Ирине Михайловне и благоверной царевне княжне Татиане Михайловне и при святейшем Иосифе патриархе московском и всеа России зделал сию раку преподобному чудотворце Кириллу Белозерскому по обещанию боярин Феодор Иоаннович Шереметьев при игумене Антоние и при келаре старце Саватии Юшкове лета 7151». На тех же полденной и восточной стенках на особых четвероугольных кругловатых серебряных позолоченных выгнутых четырех дсках чеканная надпись такова: « Сей убо преподобный отец Кирилл родися в царствующем граде Москве и на рекоша имя ему во святом крещении Козма, предаста его учиться // святым книгами по божественном писанию извыкшу потом родителя его земная оставльше ко Господу от иде видя ж родителя его ко Господу отшедша во мнозе размышлении бысть хотяше во иноческое одеяться Богу же хотя и желание оного Козму исполнити образом таковым случися убо приитти махрицкому игемону Стефану в царствующий град Москву сего пришествие у вдов Козма тече убо к нему с радостию припадает к честным того ногам слезы о точию проливая многи в купе же и молит его возложить на нь иноческий образ. Он же поим с собою козну поиде в монастырь Симанов предает его архимандриту Феодору, он же постизает его и даст ему имянование Кирилл и потом поставиша блаженнаго Кирилла архимендритом на Симаново и мнози князи и велможи прихожаху к нему ползы ради и безмолвие ему пресецаху он началство остави отиде в древнюю обитель Рождества Пречистые и воедину от ношеймолящеся ему пред образом Пречистыя Богородицы поюще благодарный канон акафесту набие слышит глас глаголющ Кирилле изыди отсюду иди на Белое зеро, тамо бо уготовахти место, в нем же возможеши спастися. Он же пути касаеси ся пришед на Белое зеро и познав показанное ему место Пречистою Богородицею и прославиша Бога и Пречистую Богоматерь пребысть же на месте том тридесять лет // преподобный Кирилл чудотворец пострижеся в Симанове монастыре в тридесятое лето возраста своего и пребысть в Симанове тридесять лет и появлению Пречистые Богородицы в старом Симанове и прииде на Белое зеро в лето 5905 и созда обитель во имя Пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Успения и пребысть во обители своей до преставления своего тридесять лет и преставися в лето 5935 июня в 9 день, и всего жития его девяносто лет». // ГАВО. Ф.496. Оп.1.Ед. хр. 2992. Л. 343 об.–344.

⁴⁰ОР РНБ. 87/1325. Л. 101.

⁴¹ОР РНБ. 87/1325. Л.101.

⁴² В собрании Кирилло-Белозерского музея-заповедника хранятся: покров «Кирилл Белозерский». Москва. Вторая половина XVII века. Вклад боярина Федора Ивановича Шереметева. 230,0×138,0 см. ЦТ 483; покров «Кирилл Белозерский». Москва. 1665 год. Вклад царицы Марии Ильиничны Милославской. 220,0×130,0 см. ЦТ 1457; покров «Кирилл Белозерский». Москва. 1677 год. Вклад боярина Якова Никитича Одоевского. 218,0×135,0 см. ЦТ 627.

Самый ранний покров из собрания музея — покров «Кирилл Белозерский». Москва. 1587 год. Вклад 1592 года царицы Марии (в иночестве Марфы) Нагой. 207,0×101,0 см. ЦТ 624.

⁴³ГАВО. Ф.496. Оп.1. Ед. хр. 2992. Л. 343 об.

⁴⁴В изготовлении раки царевича Дмитрия в 30-е годы принимал участие лучший царский серебряник XVII века Гаврила Овдокимов. С его именем связывают и раку Александра Свирского //Лелекова, О.В. Материалы к истории художественной мастерской Кирилло-Белозерского монастыря в XVII–XVIII вв. / О.В. Лелекова // Древнерусское искусство. – М., 1989. – С. 165.

⁴⁵ОР РНБ 78/1317. Л.135.

---

⁴⁶В 1636 году Иоаннъ же Васильевич (Олферьев) над раку чудотворца дал лампаду сребрену с чепью ис кистью за 30 рублей// ОР РНБ. 87/1325. Л. 144.

⁴⁷ОР РНБ. 87/1325. Л. 341.

⁴⁸ОР РНБ. 97/1334 а. Л. 3.

⁴⁹Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре, составленное архимандритом Варлаамом. – М., 1859. – С.6.

⁵⁰РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Ед. хр. 1132. Л. 1–4.

⁵¹ОР РНБ. 116/1351. Л. 118–119 об.

Возможно, лампада Федора Ивановича Шереметева не была уничтожена в том году, так как Опись 1854 года приводит сведения о висящей над ракой Кирилла серебряной лампадой. В документе есть указания, что лампада «вклад боярина Федора Ивановича Шереметева вместе с серебряной ракой»// КБИАХМЗ. ОПИ. Ф.1. Оп.1. Ед. хр. 25. Л. 70

Предположительно, лампада была утрачена во второй половине XIX века, так как в поздних монастырских учетных книгах о ней нет прямых упоминаний.

⁵²Лелекова, О.В. Материалы к истории художественной мастерской Кирилло-Белозерского монастыря в XVII–XVIII вв. / О.В. Лелекова // Древнерусское искусство. – М., 1989. – С. 168.

⁵³Над выше упомянутою ракой на четырех внутри полых со всех четырех сторон сверху четырьмя да посреде одним, итого пяти, железными прутьями скрепленных вышиною по три аршина с четвертью зеленой меди столбах // сень. Под оною сенью над столбами при показанных железных прутьях с вонной полденной и восточной сторон наподобие пояса привинченные к прутьям медные флямовые планки, под оными планками на тех же двух сторонах прорезной подзор, под тем подзором с одной полденной стороны в углах при столбах треугольные косые прорезные двойником позолоченные наугольники. Наверху показанных флямовых планок с упомянутых же двух полденной и восточной сторон треугольные прорезные щиты из коих на одном с полденной стороны щите точеная с четвероконечным крестом и на нем с литым Распятия Господня изображением глава, а на другом с восточной стороны щите литый с изображением Распятия Господян крест. Да в тех же щитах на особых деревянных дсках вставленные образы, а имянно: с полденной стороны 1 образ Успения Пресвятыя Богородицы, писан красками. Оклад на полях серебряной чеканной позолоченной. На оном же образе пять венцов, в том числе четыре венца серебряные позолоченные резные, а пятый венец серебряной позолоченной же чеканной. На оном образе на Богоматернем изображении венец длиною и шириною по одному верху с четвертью верха, самой венец посредине шириною поменьше полуверха. На оном венце посреде против малой горошины камень зеленый четверугольный простой, по сторонам // той же меры два камня продолговатые венесы. На Вседержителеве изображении венец длиною и шириною повышше полуверха, самой венец посредине шириною четверть верха. На трех изображениях дву ангелов да Души венцы окрудием два против средней, третий против малой клюковной ягоды. Оной образ длиною повышше шести верхов, шириною восемь верхов с половиною верха. На втором с восточной стороны щите 2 образ стоящаго Кирилла Белозерскаго чудотворца, писан красками. Оклад на свету и на полях серебряной бачебной чеканной позолоченной, венец и цата серебряные позолоченные с финифтью чеканные. Венец длиною один верх, шириною один верх с четвертью верха, самой венец посредине шириною третья доля верха. Под оным венцом цата в глубину повышше верха, в ширину один верх с четвертью верха, самая цата посредине шириною повышше полуверха. Оной образ длиною шесть верхов, шириною четыре верха с половиною верха. На выше прописанной сене на медных стопилах листовая зеленой меди крышка. //ГАВО. Ф.496. Оп.1. Ед. хр. 2992. Л.345 об.–346.

---

⁵⁴ОР РНБ. 118/1353. С. 102.

⁵⁵Некоторые монастырские документы называют другую дату – 1780 год.

«Перестроена вновь въ 1780 году на сумму отпущенную отъ козны по смете 2209 руб .70 коп. съ прибавкою изъ монастырскихъ доходов и займа // КБИАХМЗ. ОПИ. Ф.1. Оп.1. Ед. хр. 25. Л. 61 об.

⁵⁶ОР РНБ. 116/1351. Л. 259 об. – 260.

⁵⁷ОР РНБ. 116/1351. Л. 261.

В 2012 году археологи отметили смещение фундамента раки, основание которой частично перекрывало погребение, определенное как захоронение преподобного Кирилла.

⁵⁸ Юхименко, Е.М. Неизвестный памятник поздней паломнической литературы: хождение по России устюжского мещанина Петра Иванова Типухина в 1813–1822 гг./ Е.М. Юхименко // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. – СПб.: «Пушкинский дом», 2014. – С. 413.

⁵⁹РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Ед. хр. 1001. Л. 1–1 об.

⁶⁰РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Ед. хр. 1001. Л. 2.

⁶¹РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Ед. хр. 1001. Л. 1 об.

⁶²РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Ед. хр. 1001. Л. 1 об.

⁶³РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Ед. хр. 1001. Л. 1 об.

⁶⁴РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Ед. хр. 1001. Л. 1 об.

⁶⁵Материал для обивки сени – бархат, атлас, серебряный газ, золотой шнур и кисти – были куплены белозерским купцом Иваном Михайловичем Гориним.// Юхименко, Е.М. Неизвестный памятник поздней паломнической литературы: хождение по России устюжского мещанина Петра Иванова Типухина в 1813–1822 гг./ Е.М. Юхименко // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. – СПб.: «Пушкинский дом», 2014. – С. 413..

⁶⁶РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Ед. хр. 1001. Л. 1–1 об.

⁶⁷РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Ед. хр. 1001. Л. 1 об.

⁶⁸Журавлева, В.Л. К вопросу о серебряном деле Вологды XVII–XVIII веков / В.Л. Журавлева // Ферапонтовский сборник V. – М., Ферапонтово, 1999. – С. 250.

⁶⁹КБИАХМЗ. ОПИ. Ф.1. Оп.1. Ед. хр. 25. Л. 76.

⁷⁰КБИАХМЗ. ОПИ. Ф.1. Оп.1. Ед. хр. 24. Л. 9 об.

⁷¹КБИАХМЗ. ОПИ. Ф.1. Оп.1. Ед. хр. 25. Л. 76.

⁷²В 1862 году в Тихвинском соборе Нило-Сорской пустыни была устроена рака с серебряным основанием, которое чеканил известный петербургский мастер Федор Верховцев. На верху раки находилась икона, написанная немного ранее, с изображением прп. Нила Сорского. Она была подарена неизвестным купцом в благодарность за чудесное покровительство святого в успешном побеге из турецкого плена. В 1839 году икону украсили серебряной ризой на вклад петербургской купчихи Татьяны Семеновны Никифоровой. В 1865 году на средства кирилловской помещицы Феклы Петровны над ракой основателя пустыни была сооружена резная позолоченная сень со скульптурными изображениями четырех ангелов, поддерживающих ее, и с фигурным в стиле рококо навершием, увенчанным четырехконечным крестом. В 1931 году рака преподобного Нила Сорского была демонтирована и вместе с другими предметами церковного имущества пустыни поступила на хранение в Кирилло-Белозерский музей.

⁷³КБИАХМЗ. КП 21635 ДЖ 1301.

⁷⁴Рака преподобного Кирилла Белозерского. Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1909 год. Библиотека Конгресса, Вашингтон. США. // Международный научный проект «Наследие С.М. Прокудина-Горского [электронный ресурс] http://www.prokudin-gorsky.org/card.php?lang=ru&photos_id=1024.

---

⁷⁵ 1. Лампадка серебряная позолоченная 84 пробы в ней 3 разноцветных стекла пожертвована къ Чюдотворной иконе Смоленской Божьей Матери Преосвященнымъ епископомъ Тихономъ Вытебскимъ и Полоцкимъ 66 золотников. 2. Лампадка къ раке Преподобного Кирилла серебряная позолоченная съ эмалью 84 пробы 200 руб 2 фунта 83 золотника // РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Ед. хр. 1706. Л. 176–180.

⁷⁶ КБИАХМЗ. ДПА. Ф.3. Оп.1. Ед. хр. 24.Л. 9.

⁷⁷Королев, В.А. Драгоценности и гробница Кирилла / В.А. Королев // Русский Север. – 7.02.1991. – № 16. – С. 3.